

*Иеромонах ИОАНН (Экономцев),
преподаватель Московской Духовной Академии*

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ в период пребывания в Троице-Сергиевой Лавре

175 лет назад произошло, казалось бы, ничем не примечательное событие. 20 учеников Славяно-греко-латинской Академии переехали на учебу из Заиконоспасского монастыря в Москве в Троице-Сергиеву Лавру. Причины, которые побудили церковное священноначалие принять решение об этом, имели обыденный утилитарный характер. Заиконоспасский монастырь сильно пострадал во время пожара в 1812 г. Церковное начальство полагало также, что удаление студентов от суеты городской жизни благотворно скажется на их учебе. И никто тогда не думал о глубоком промыслительном значении этого события, о том, что перемещение Академии в стены Лавры, к мощам Преподобного Сергия, отвечало общему духу развития русского богословия и назревшей необходимости возвращения богословской школы к истокам и корням русской православной культуры.

Все это было осознано далеко не сразу. Но уже 125 лет назад, когда праздновался полувековой юбилей события, участники торжеств говорили о том, что в Сергиевом Посаде возникла качественно новая школа, преодолевшая схоластизм и интенсивное протестантское влияние, укоренившееся в Славяно-греко-латинской Академии со времен архиепископа Феофана Прокоповича.

Далее мы постараемся показать, чем конкретно новая Академия отличалась от старой. Однако прежде чем приступить к их сравнению, хотелось бы подчеркнуть, что отрицать внутреннюю органическую связь и преемственность между Заиконоспасской школой и Академией, разместившейся в стенах Лавры, было бы в корне неверно. Точно так же было бы ошибочно абсолютизировать схоластизм и протестантское влияние в Славяно-греко-латинской Академии. Не будем забывать и того, что схоластика — явление сложное и неоднородное и далеко не всегда она заслуживает пренебрежительно-негативной оценки. К тому же вряд ли уместно объяснять известный схоластизм Заиконоспасской школы исключительно западным влиянием. Он, безусловно, имел и свои внутренние истоки.

Высшая школа в нашей стране, как известно, была учреждена в 1685 г. До этого основу русского образования составляла начальная школа, но ее дополняло частное обучение в монастырях, а также у частных учителей (в том числе иностранных). Важным элементом образования было самостоятельное изучение богословской, естественнонаучной, исторической и художественной литературы. Такая система давала возможность отдельным лицам достигать по тем временам весьма высоких знаний. (Вспомним хотя бы имена преподобных Нила Сорского и Иосифа Волоцкого). И все это вполне понятно, ведь индивидуальное обучение включает в себе большие предпосылки для творческого восприятия, чем обучение по готовым схемам. Другое дело, что в расчете на среднего ученика и средний показатель унифицированная система образования является более эффективной.

Созданию "правильной" высшей школы в России решающим образом содействовала революция в области книжного дела. Тиражное книгопечатание и "тиражирование" знаний с помощью "массовой" высшей школы явились двумя сторонами одного и того же процесса отчуждения, деперсонализации знаний.

Этот процесс формировал ту методику, совокупность приемов обучения в Славяно-греко-латинской Академии, которую мы отождествляем с русской — академической схоластикой XVIII в. Ни в коем случае не следует думать, что последняя повредила православному характеру Московской Духовной школы. Все дело тут в стиле эпохи. Русское богословие XVIII в. схоластическими методами на латинском языке вело полемику с латинской схоластикой, католической и протестантской. Но факт остается фактом: богословская школа тогда готовила ученую элиту, свободно говорящую на мертвом языке и не способную выражать свои мысли на живом языке народа, которому она должна была разъяснять истины христианского учения. Выход из этого положения был в одном: в отказе от "буквы", которая "убивает", и в возвращении к животворящему Духу, к реальности Священного Писания и светоотеческого учения, к реальности жизни. Не случайно именно во второй половине XVIII в. появляется фигура "предтечи" русского православного возрождения — святителя Тихона Задонского и начинает свой аскетический подвиг великий русский святой — преподобный Серафим Саровский.

В этой атмосфере духовного пробуждения в жизни Славяно-греко-латинской Академии появляются тенденции, которые предвещают возникновение новой школы и нового богословия. В 1765 г. митрополит Платон совершает по тому времени радикальный шаг — издает курс богословия на русском языке ("Православное учение или сокращенная христианская богословия"). Он же обращает внимание на важность изучения греческого языка и на необходимость развития творческого сознательного подхода учащихся к усвоению материала. В рамках реформы, осуществленной митрополитом Платоном, происходит пересмотр учебных программ: в качестве самостоятельных дисциплин вводятся герменевтика, церковная и гражданская история, история философии, медицина.

Изменения в системе богословского образования в России созрели синхронно с глубоким переворотом в области сознания, происходившим в Западной Европе. Западноевропейские университеты вступают в период кризиса и упадка. Окончательный удар схоластической системе образования наносит "бунт философов" в середине XVIII в. Средневековое здание всеобъемлющей схоластической науки, увенчанной готическим куполом богословия, рушится. Критика Канта, разрывающая веру и разум, открыла прямой путь к секуляризованной науке и культуре. В этих условиях богословие, естественно, должно было попытаться осознать себя как особую науку. Платоновская реформа учебных программ вполне укладывается в эту тенденцию богословского самосознания.

Закономерной особенностью богословского поиска к концу XVIII в. становится поворот к мистике. Он был неизбежен в свете отказа от схоластического рационализма и как реакция на рационалистическую критику. Этот процесс происходил одновременно на Западе и на Востоке (в России). Но если в Западной Европе указанный феномен был связан с пробуждением интереса к средневековой мистике, питавшейся богомилскими и неоплатоническими идеями, то у нас он характеризовался обращением к святоотеческому учению и духовному наследию исихазма (кстати, именно в это время в России впервые выходят печатным сборником творения святителя Григория Паламы).

В церковноисторической науке стало традиционным противопоставлять одна другой две эпохи в истории Московской богословской школы — платоновскую и филаретовскую. Однако чем больше проходит времени, тем больше нас поражает конгенитальность двух великих святителей и все очевидней становится, насколько органически одна эпоха вытекает из другой.

Митрополит Платон, как мы уже отмечали, содействовал повышению удельного веса греческого языка в системе преподавания, а конкретные шаги, предпринятые в этом направлении при митрополите Филарете, позволили реализовать грандиозный проект издания на русском языке творений

святых отцов. В результате к концу века Россия получила на национальном языке обширнейшую библиотеку творений отцов Церкви в объеме, которого не знала ни одна страна мира. Завершением этого замысла явился начатый в 1858 г. по инициативе митрополита Платона перевод Библии на русский язык; выдающаяся роль в осуществлении этого проекта выпала Московской Духовной Академии. В итоге был создан фундамент русской богословской науки и предпосылки для преодоления ее зависимости от протестантских и католических идей.

Важным результатом переведения Духовной Академии в стены Троице-Сергиевой Лавры явилось ее отделение от традиционно связанных с ней средней и начальной школ, а это дало возможность более ясно определить ее задачи именно как высшей школы.

В филаретовский период продолжалось начатое при митрополите Платоне построение новой системы богословских наук. В 1816 г. в Московской Академии началось чтение догматического богословия, в 1817 г. вводятся курсы нравственного и пастырского богословия, в 1840 г. — канонического права, в 1841 г. — патристики, в 1842 г. — метафизики, в 1843 г. — истории философии, в 1844 г. — библейской истории и церковной археологии.

Подлинный расцвет в эпоху Филарета переживают в Московской Академии церковноисторические науки. И это вполне понятно. Русское общество первой половины XIX в. предпринимает титанические усилия в области национального самосознания и стремится прежде всего осмыслить свою национальную историю. Русская литература этого времени, начавшаяся с "Бедной Лизы" Н. М. Карамзина и лирики А. С. Пушкина, обращается к историческим произведениям. Аналогичный процесс происходит в архитектуре, живописи и музыке.

Историзм характеризует филаретовский подход к богословским дисциплинам, что вызывает недоумение и оппозицию со стороны приверженцев схоластики. В Московской Академии теперь уделяется самое серьезное внимание раскрытию истории догматов, церковных правил, постановлений Соборов и т. д. Выдающимися церковными историками, воспитанными митрополитом Филаретом, были преподаватели, а затем ректоры Академии архимандрит Филарет (Гумилевский) и протоиерей Александр Горский. Последний фактически явился создателем русской церковной истории. Непреходящее научное значение имеет составленное им вместе с Невоструевым "Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки".

Находившаяся на стадии историзма русская богословская наука, так же как и русская культура в целом, не могла сразу же создать своей оригинальной философии. Но именно к этому были устремлены взгляды митрополита Филарета. Еще в 1818 г. при ревизии Московской Академии он дал высокую оценку попыткам профессора В. Кутневича "подружить философию с откровенной религией"¹. Знаменательные слова! Не место ли встречи философии с Откровением станет отправным пунктом для поисков А. Хомякова, И. Киреевского, Ю. Самарина, Ф. Достоевского и русских философов конца XIX — начала XX в.? Однако до этого русской академической философии предстояло пройти западную школу. Первый преподаватель философии в реформированной Московской Академии И. К. Носов читает свой курс по Бруккеру и Карпе, его преемник В. И. Кутневич оперирует концепциями Канта, Фихте, Шеллинга, Якоби, а принявший у него кафедру протоиерей Феодор Голубинский находится под влиянием Вольфа, Якоби, Зайлера, Баадера, Пуаре, Фенелона и других западных мыслителей. Мирозозрение протоиерея Феодора Голубинского, которому суждено было оставить наибольший след в развитии философской науки в Академии, при всей его эклектичности, в своем развитии получило, в конце концов, определенную платоническую, а точнее неоплатоническую окраску. Идеи неоплатонизма, как известно, сыграли огромную роль в становлении христианского мирозозрения и христианской философии. Но история последней — это история не только абсорба-

ции неоплатоновских идей, но и борьбы с ними, преодоления неоплатонизма. Протоиерей Феодор Голубинский, таким образом, подошел к рубежу, за которым могла возникнуть и действительно возникла оригинальная русская философия.

В филаретовский период происходят важные качественные изменения в методике преподавания в Московской Академии. Творческий, сознательный подход к усвоению богословских элементов, на что впервые у нас обратил внимание митрополит Платон, в это время становится стержнем системы образования. "Прежде всего и паче всего, предаться самому истине всем духом и жизнью, с желанием все покорить ей, и во всяком недоумении и познании взывать к Духу истины"² — эти слова митрополита Филарета прекрасно передают атмосферу и духовный настрой, царившие тогда в Академии. Но развитие индивидуальных творческих способностей учащихся Московский святитель не мыслил вне рамок соборного разума и строгой церковности. Чрезвычайно важное значение для дальнейших судеб Московской Академии в этой связи имело то, что при митрополите Филарете возникло и стало реальностью органическое единство первой богословской школы на Русской земле и главной русской обители, хранительницы и стража Православия — Лавры Преподобного Сергия.

Если доплатоновский период можно охарактеризовать как время ученичества для русского академического богословия, эпоху митрополитов Платона и Филарета — как время богословского поиска и богословского самосознания, то конец XIX — начало XX в. являет собой время богословского синтеза. Богословие, которое осознало себя как особую науку, ощутило теперь в себе достаточно сил, чтобы с учетом новейших достижений естественных и социальных наук попытаться построить целостную картину мира. При этом оно выступило не только как особая наука, но и методология наук. Характерно, что именно в это время, на рубеже двух веков, резко возрос интерес русской интеллектуальной элиты к богословию. И если раньше выпускники Академии шли в университет, то теперь выпускники университетов идут в Московскую богословскую школу.

"Открытость" Московской Академии к внешнему миру усиливается в семидесятые годы. Благоприятные условия для этого создал принятый в 1869 г. (во время ректорства протоиерея А. Горского) новый академический устав. Он допускал в Академию вольнослушателей и разрешал поступать в нее лицам, окончившим светские учебные заведения (гимназию). Устав значительно повышал роль корпорации в академической жизни, позволял учреждать учебные обществ. Академия приобрела право собственной цензуры.

Новые веяния принесло ректорство (1890—1895) архимандрита Антония (Храповицкого). При нем в 1892 г. началось издание "Богословского вестника", превратившегося вскоре в один из лучших богословских журналов. "Богословский вестник" заменил собой "Прибавления к творениям святых отцов", а святоотеческие творения стали теперь издаваться в качестве приложения к новому сборнику. Эта перемена весьма символична, поскольку свидетельствует о возросшей зрелости богословской мысли в Академии.

В послефиларетовский период в Московской богословской школе продолжался расцвет церковноисторической науки. Во второй половине XIX в. в стенах Академии трудилась целая плеяда выдающихся церковных историков, среди которых следует отметить С. К. Смирнова, автора "Истории Московской Духовной Академии", классиков русской исторической науки: Е. Е. Голубинского и В. О. Ключевского, А. П. Лебедева, которому принадлежат фундаментальные труды по всеобщей церковной истории.

Одновременно в Академии значительно усиливается интерес к теистической философии. Видная роль в создании московской философской школы, бесспорно, принадлежит ученику протоиерея Ф. Голубинского В. Д. Кудрявцеву-Платонову. Его попытка создать целостную систему христианского

православного миропонимания, в центре которого находится понятие абсолютного бытия, оказалась плодотворной. Концепции Кудрявцева оказали значительное влияние на формирование мировоззрения Светлова, Н. Глубоковского, Муретова, А. Введенского, В. Соловьева. На юбилее А. И. Введенского профессор С. С. Глаголев говорил: "Немного теперь имеется мест на земном шаре, где бы существовали философские школы. Московская Академия — одно из таких мест... В католических школах Запада теперь преподается философия Фомы Аквинского. Я высоко ценю этого великого мыслителя, блестяще суммировавшего в своей короткой жизни то, что сделано философией до него, и осветившего эту философию богословским светом. Но за всем тем я не завидую Западу. На Руси в духовных школах преподается философия Голубинского, Кудрявцева и Введенского, она дает то единие, которое нужно на потребу. Она представляется мне той лестницей, которую Иаков видел во сне, которая ведет от земли к небу"³.

Особое место в русской теистической философии занимают воззрения священника Павла Флоренского, сама личность которого является символом философско-богословского синтеза. Человек необыкновенной эрудиции, работы которого оставили заметный след в самых различных областях человеческого знания (богословие и история философии, филология и этнография, искусствоведение и история, физика и математика, электротехника и биология), он наиболее был близок к созданию глобальной философской системы, охватывающей дух и материю, категории Бога, человека и мира.

Следует, однако, отметить, что поворот к "внешнему миру" оказался сопряженным с новыми опасными веяниями, проявившимися порою в слишком "вольном" подходе отдельных теистических философов и богословов к догматическому учению Церкви. Этому способствовала сама атмосфера начала XX в. с его декадентскими настроениями и революционными потрясениями. Указанная тенденция достигла своего апогея после Февральской революции. В это время преподаватель Московской Академии М. М. Тареев выступил с публикацией в "Богословском вестнике" "Нового богословия", в котором святоотеческое учение было сведено к гностицизму, причем гностицизм и аскетизм были объявлены "заклятыми врагами русского гения"⁴. Поднявшее голову обновленчество при поддержке государственной власти (именно М. М. Тареев был уполномочен Временным правительством осуществить "ревизию" Московской Духовной Академии и заменить на посту редактора "Богословского вестника" отца Павла Флоренского) начинало крестовый поход против Православия, что предвещало глубокие потрясения и кризис Русской Православной Церкви.

Характерно, что в послереволюционный период центром православной богословской мысли становится Данилов монастырь, куда Временным правительством был удален ректор Московской Духовной Академии епископ Феодор.

Закрытая в 1918 г., Московская богословская школа возобновила свою деятельность 14 июня 1944 года. В этот день в Новодевичьем монастыре Москвы были открыты Православные Богословский институт и Богословско-пастырские курсы. Резолюцией Патриарха Алексия от 31 августа 1946 г. они были переименованы соответственно в Московскую Духовную Академию и Московскую Духовную Семинарию под руководством одной администрации. С самого начала пребывание этих школ в Новодевичьем монастыре рассматривалось как временное решение, и в октябре 1947 г. они возвратились в свое историческое место — Троице-Сергиеву Лавру.

Возрождение Московских Духовных школ промыслительно произошло в тот момент, когда еще сохранялось поколение богословов старой школы, которое смогло обеспечить необходимую преемственность между ними. В ученую корпорацию Богословского института, кроме проректора, магистра богословия прежней Киевской Духовной Академии протоиерея С. В. Савинского, вошли протоиереи: Н. Ф. Колчицкий, Т. Д. Попов, А. И. Расторгуев,

В. В. Минкевич, священник С. Г. Молошников, Б. В. Вадковский, А. В. Ведерников, А. И. Георгиевский, Н. П. Доктусов, Н. И. Муравьев — в большинстве своем выпускники Московской Духовной Академии. Эту же Академию в 1904 г. окончил Святейший Патриарх Алексий, под попечительством которого возрождалась богословская школа.

Важнейшей задачей, которая в тот период стояла перед Русской Православной Церковью, с учетом острого дефицита духовенства, была подготовка священнослужителей для работы с паствой. Вопрос о развитии богословской науки в этих условиях, особенно под свежим впечатлением от обновленческого эксперимента, естественно, должен был оказаться на втором плане. Теперь от пастырей и от школы, готовящей пастырей, требовалась прежде всего церковность. Именно на это обращал внимание Патриарший Местоблюститель митрополит Алексий в день открытия Богословского института и Богословско-пастырских курсов. "Весь строй этих школ, — говорил он, — должен быть строго церковным, без всякого уклонения в сторону мирского уклада"⁵.

Огромное значение для созидания возобновленной школы на традиционных основах православной духовности имело восстановление ее теснейших связей, единства с Лаврой Преподобного Сергия. Это единство на сегодняшний день выражается даже в том, что практически все насельники Лавры являются выпускниками, учащими или учащимися Московской Духовной Академии. Последнее обстоятельство благотворно не только для Академии, но и для Лавры, поскольку содействует формированию столь традиционного для Руси ученого монашества — необходимого института православной церковной жизни и хранителя (наряду со школой) православных богословских знаний.

По мере подготовки богословских кадров и углубления своего богословского потенциала Московская Духовная Академия получила возможность уделять большое внимание научной деятельности, что нашло одобрение и поддержку Патриарха Алексия. В 60-е годы, в связи с усилением угрозы ядерной катастрофы, внимание Академии привлекают богословские аспекты проблемы сохранения священного дара жизни. В это время в рамках миротворческой деятельности, осуществляемой Русской Православной Церковью, Академия устанавливает и расширяет связи с представителями инославных Церквей и нехристианских церковных объединений. Вместе с Ленинградской Академией Московская богословская школа вносит свой вклад в изменение атмосферы взаимоотношений Православия с инославием, содействует переходу от конфронтации между ними к богословскому диалогу и сотрудничеству в области миротворчества. В то же время интенсивные контакты с инославием вновь ставят традиционный для русского богословия вопрос о сохранении чистоты святоотеческого учения, сохранении не только сущности, но и характера, образа православного мышления. Это, однако, как свидетельствует длительный исторический опыт Московской Академии, реально достижимо не на пути ее конфессиональной самоизоляции (это было бы непростительной ошибкой, да это вряд ли и возможно), а на пути к повышению ее богословского потенциала. Такая задача со всей остротой встала перед Московской Академией в 80-е годы, когда стала очевидна необходимость выработки богословского ответа на сложнейшие вопросы нашего времени, времени беспрецедентных научных достижений и величайших угроз. Московская богословская школа находится сейчас на пороге глубоких преобразований.

Исторический опыт учит, что всякое устремленное в будущее преобразование Академии одновременно было и есть возвращение назад, к истокам Православия. История Московской богословской школы содержит в себе ответы на многие вопросы, которые сейчас ставит перед нею жизнь. Путь в будущее — это путь к углубленному изучению Священного Писания и святоотеческого учения, путь историзма и теистического философствования, путь церковности. Эти направления, взаимно пересекаясь, составляют единый магистральный путь. Вместе с тем они являются собой основу для назревшей

специализации в системе академического образования, ибо, только отказавшись от схоластического универсализма, можно прийти к углубленным богословским познаниям и к новому богословскому синтезу.

Столь же важной представляется задача преодоления методики безличностного "тиражирования" знаний и обращения (безусловно, в новых формах) к традиционным для Руси методам индивидуального обучения, для которых в нынешний век компьютеризации и персонализации научной деятельности неожиданно открылись новые широкие перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Митрополит *Филарет*. Собрание мнений и отзывов. Т. I. СПб., 1885, с. 408.

² Там же, с. 151.

³ Двадцатилетний юбилей профессора МДА А. И. Введенского. — Богословский вестник, 1912, № 2, с. 32—33.

⁴ Богословский вестник, 1917, август.

⁵ *Алексий*, Патриарх Московский и всея Руси. Слова, речи, послания (1941—1948). М., 1948, с. 164.